

АРИСТОКРАТКА

Григорий Иванович шумно вздохнул, вытер подбородок рукавом и начал рассказывать:

— Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место.

А в свое время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ней и в театр водил. В театре-то все и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме.

А встретился я с ней во дворе дома. На собрании. Гляжу, стоит этакая фря. Чулочки на ней, зуб золоченый.

— Откуда, — говорю, — ты, гражданка? Из какого номера?

— Я, — говорит, — из седьмого.

— Пожалуйста, — говорю, — живите.

И сразу как-то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней. В седьмой номер. Бывало, приду как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?

— Да, — отвечает, — действует.

И сама кутается в байковый платок, и ни мур-мур больше. Только глазами стрижет. И зуб во рте блестит. Походил я к ней месяц — привыкла. Стала подробней отвечать. Дескать, действует водопровод, спасибо вам, Григорий Иванович.

Дальше — больше, стали мы с ней по улицам гулять. Выйдем на улицу, а она велит себя под руку принять. Приму ее под руку и волочусь, что шука. И чего сказать — не знаю, и перед народом совестно. Ну а раз она мне и говорит:

— Что вы, — говорит, — меня все по улицам водите? Аж голова закрутилась. Вы бы, — говорит, — как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр.

— Можно, — говорю.

И как раз на другой день прислала комячейка билеты в оперу. Один билет я получил, а другой мне Васька-слесарь пожертвовал.

На билеты я не посмотрел, а они разные. Который мой — внизу сидеть, а который Васькин — аж на самой галерке.

Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я — на Васькин. Сижу на верхотурье и ни хрена не вижу. А ежели нагнуться через барьер, то ее вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошел. Гляжу — антракт. А она в антракте ходит.

— Здравствуйте, — говорю.

— Здравствуйте.

— Интересно, — говорю, — действует ли тут водопровод?

— Не знаю, — говорит.

И сама в буфет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные.

А я этаким гусем, этаким буржуем нерезаным вьюсь вокруг ее и предлагаю:

— Ежели, — говорю, — вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

— Мерси, — говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет.

А денег у меня — кот наплакал. Самое большое, что на три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег — с гулькин нос.

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крикнул. И молчу. Взяла меня этакая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.

Я хожу вокруг нее, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается.

Я говорю:

— Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть.

А она говорит:

— Нет.

И берет третье.

Я говорю:

— Натощак — не много ли? Может вытошнить.

А она:

— Нет, — говорит, — мы привыкшие. — И берет четвертое.

Тут ударила мне кровь в голову.

— Ложи, — говорю, — взад!

А она испужалась. Открыла рот, а во рте зуб блестит.

А мне будто попала вожжа под хвост. Все равно, думаю, теперь с ней не гулять.

— Ложи, — говорю, — к чертовой матери!

Положила она назад. А я говорю хозяину:

— Сколько с нас за скушанные три пирожные?

А хозяин держится индифферентно — ваньку валяет.

— С вас, — говорит, — за скушанные четыре штуки столько-то.

— Как, — говорю, — за четыре?! Когда четвертое в блюде находится.

— Нету, — отвечает, — хотя оно и в блюде находится, но надкус на ем сделан и пальцем смято.

— Как, — говорю, — надкус, помилуйте! Это ваши смешные фантазии.

А хозяин держится индифферентно — перед рожей руками крутит.

Ну, народ, конечно, собрался. Эксперты.

Одни говорят — надкус сделан, другие — нету.

А я вывернул карманы — всякое, конечно, барахло на пол вывалилось — народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю.

Сосчитал деньги — в обрез за четыре штуки. Зря, мать честная, спорил.

Заплатил. Обращаюсь к даме:

— Докушайте, — говорю, — гражданка. Заплачено.
А дама не двигается. И конфузится докушивать.
А тут какой-то дядя ввязался.
— Давай, — говорит, — я докушаю.
И докушал, сволочь. За мои-то деньги.
Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой.
А у дома она мне и говорит своим буржуйским тоном:
— Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег — не ездют с дамами.
А я говорю:
— Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение.
Так мы с ней и разошлись.
Не нравятся мне аристократки.

1923

ЖЕРТВА РЕВОЛЮЦИИ

Ефим Григорьевич снял сапог и показал мне свою ногу. На первый взгляд ничего в ней особенного не было. И только при внимательном осмотре можно было увидеть на ступне какие-то зажившие ссадины и царапины.

— Живают, — с сокрушением сказал Ефим Григорьевич. — Ничего не поделаешь — седьмой год все-таки пошел.

— А что это? — спросил я.

— Это? — сказал Ефим Григорьевич. — Это, уважаемый товарищ, я пострадал в Октябрьскую революцию. Нынче, когда шесть лет прошло, каждый, конечно, пытается примазаться: и я, дескать, участвовал в революции, и я, мол, кровь проливал и собой жертвовал. Ну а у меня все-таки явные признаки. Признаки не соврут.. Я, уважаемый товарищ, хотя на заводах и не работал и по происхождению я бывший мещанин города Кронштадта, но в свое время был отмечен судьбой — я был жертвой революции. Я, уважаемый товарищ, был задавлен революционным мотором.

Тут Ефим Григорьевич торжественно посмотрел на меня и, заворачивая ногу в портянку, продолжал:

— Да-с, был задавлен мотором, грузовиком. И не так, чтобы как прохожий или там какая-нибудь мелкая пешка, по своей невнимательности или слабости зрения, напротив — я пострадал при обстоятельствах и в самую революцию. Вы бывшего графа Орешина не знали?

— Нет.

— Ну, так вот... У этого графа я и служил. В полотерах... Хочешь не хочешь, а два раза натри им пол. А один раз, конечно, с воском. Очень графы обожали, чтобы с воском. А по мне, так наплевать — только расход лишний. Хотя, конечно, блеск получается. А графы были очень богатые и в этом смысле себя не урезывали.

Так вот такой был, знаете ли, случай: натер я им полы, скажем, в понедельник, а в субботу революция произошла. В понедельник я им натер, в субботу революция, а во вторник, за четыре дня до революции, бежит ко мне ихний швейцар и зовет:

— Иди, — говорит, — кличут. У графа, — говорит, — кража и пропажа, а на тебя подозрение. Живо! А не то тебе голову отвернут.

Я пиджачишко накинул, похряпал на дорогу — и к ним. Прибегаю. Вваливаюсь, натурально, в комнаты.

Гляжу — сама бывшая графиня бьется в истерике и по ковру пятками бьет.

Увидела она меня и говорит сквозь слезы:

— Ах, — говорит, — Ефим, комси-комса, не вы ли сперли мои дамские часики, девяносто шестой пробы, обсыпанные брильянтами?

— Что вы, — говорю, — что вы, бывшая графиня! На что, — говорю, — мне дамские часики, если я мужчина? Смешно, — говорю. — Извините за выражение.

А она рыдает.

— Нет, — говорит, — не иначе как вы сперли, комси-комса.

И вдруг входит сам бывший граф и всем присутствующим возражает:

— Я, — говорит, — чересчур богатый человек, и мне раз плюнуть и растереть ваши бывшие часики, но, — говорит, — это дело я так не оставлю. Руки, — говорит, — свои я не хочу пачкать о ваше хайло, но подам ко взысканию, комси-комса. Ступай, — говорит, — отселева.

Я, конечно, посмотрел в окно и вышел.

Пришел я домой, лег и лежу. И ужасно скучаю от огорчения. Потому что не брал я ихние часики.

И лежу я день и два — пищу перестал вкушать и все думаю, где могли быть эти обсыпанные часики.

И вдруг — на пятый день — как ударит меня что-то в голову.

«Батюшки, — думаю, — да ихние часишки я же сам в кувшинчик с пудрой пихнул. Нашел на ковре, думал, медальон, и пихнул».

Накинул я сию минуту на себя пиджачок и, не покушав даже, побежал на улицу. А жил бывший граф на Офицерской улице.

И вот бегу я по улице, и берет меня какая-то неясная тревога. Что это, думаю, народ как странно ходит боком и вроде как пугается ружейных выстрелов и артиллерии? С чего бы это, думаю.

Спрашиваю у прохожих. Отвечают:

— Вчера произошла Октябрьская революция.

Поднажал я — и на Офицерскую.

Прибегаю к дому. Толпа. И тут же мотор стоит. И сразу меня как-то осенило: не попасть бы, думаю, под мотор. А мотор стоит... Ну, ладно. Подошел я ближе, спрашиваю:

— Чего тут происходит?

— А это, — говорят, — мы которых аристократов в грузовик сажаем и арестовываем. Ликвидируем этот класс.

И вдруг вижу я — ведут. Бывшего графа ведут в мотор. Растолкал я народ, кричу:

— В кувшинчике, — кричу, — часики ваши, будь они прокляты! В кувшинчике с пудрой.

А граф, стерва, нуль на меня внимания и садится.

Бросился я ближе к мотору, а мотор, будь он проклят, как зашуршит в тую минуту, как пихнет меня колесьями в сторону.

«Ну, — думаю, — есть одна жертва».

Тут Ефим Григорьевич опять снял сапог и стал с досадой осматривать зажившие метки на ступне. Потом снова надел сапог и сказал:

— Вот-с, уважаемый товарищ, как видите, и я пострадал в свое время и являюсь, так сказать, жертвой революции. Конечно, я не то чтобы этим задаюсь, но я не позволю никому над собой издеваться. А между прочим, председатель жилтоварищества обмеривает мою комнату в квадратных метрах, да еще тое место, где комод стоит, — тоже. Да еще издевается: под комодом, говорит, у вас расположено около полметра пола. А какие же это полметра, ежели это место комодом занято? А комод — хозяйский.

1923

ЖЕНИХ

На днях женился Егорка Басов. Взял он бабу себе здоровую, мордастую, пудов на пять весом. Вообще повезло человеку.

Перед тем Егорка Басов три года ходил вдовцом — никто не шел за него. А сватался Егорка чуть не к каждой. Даже к хромой солдатке из местечка. Да дело расстроилось из-за пустяков.

Об этом сватовстве Егорка Басов любил поговорить. При этом врал он невероятно, всякий раз сообщая все новые и удивительные подробности.

Все мужики наизусть знали эту историю, но при всяком удобном случае упрашивали Егорку рассказать сначала, заранее давясь от смеха.

— Так как же ты, Егорка, сватался-то? — спрашивали мужики, подмигивая.

— Да так уж, — говорил Егорка, — обмишурился.

— Заторопился, что ли?

— Заторопился, — говорил Егорка. — Время было, конечно, горячее — тут и косить, тут и носить, и хлеб собирать. А тут, братцы мои, помирает моя баба. Сегодня она,

скажем, свалилась, а завтра ей хуже. Мечется, и бредит, и с печки падает.

— Ну, — говорю я ей, — спасибо, Катерина Васильевна, без ножа вы меня режете. Не вовремя помирать решили. Потерпите, — говорю, — до осени, а осенью помирайте.

А она отмахивается.

Ну, позвал я, конечно, лекаря. За пуд овса. Лекарь пере-сыпал овес в свой мешок и говорит:

— Медицина, — говорит, — бессильна что-либо пред-принять. Не иначе как помирает ваша бабочка.

— От какой же, — спрашиваю, — болезни? Извините за нескромный вопрос.

— Это, — говорит, — медицине опять-таки неизвестно.

Дал все-таки лекарь порошки и уехал.

Положили мы порошки за образа — не помогает. Брен-дит баба, и мечется, и с печки падает. И к ночи помирает.

Взвыл я, конечно. Время, думаю, горячее — тут и но-силь, тут и косить, а без бабы невысказано. Чего делать — неизвестно. А ежели, например, жениться, то опять-таки на ком это жениться? Которая, может, и пошла бы, да неловко ей наспех. А мне требуется наспех.

Заложил я лошадь, надел новые штаны, ноги вымыл и поехал.

Приезжаю в местечко. Хожу по знакомым.

— Время, — говорю, — горячее, разговаривать много не приходится, нет ли, — говорю, — среди вас какой ни на есть захудалой бабочки, хотя бы слепенькой. Интересуюсь, — говорю, — женитьбой.

— Есть, — говорят, — конечно, но время горячее, бра-ком никто не интересуется. Сходите, — говорят, — к Ани-сье, к солдатке, может, ту обломаете.

Вот я и пошел.

Прихожу. Смотрю — сидит на сундуке баба и ногу че-шет.

— Здравствуйте, — говорю. — Перестаньте, — говорю, — чесать ногу — дело есть.

— Это, — отвечает, — одно другому не мешает.

— Ну, — говорю, — время горячее, спорить с вами мно-го не приходится, вы да я — нас двое, третьего не требуется,

окрутимся, — говорю, — и завтра выходите на работу снопы вязать.

— Можно, — говорит, — если вы мной интересуетесь.

Посмотрел я на нее. Вижу — бабочка ничего, что надо, плотная и работать может.

— Да, — говорю, — интересуюсь, конечно. Но, — говорю, — ответьте мне, все равно как на анкету, сколько вам лет от роду?

— А лет, — отвечает, — не так много, как кажется. Лета мои не считаны. А год рождения, сказать — не соврать, одна тыща восемьсот восемьдесят шестой.

— Ну, — говорю, — время горячее, долго считать не приходится. Ежели не врете, то ладно.

— Нет, — говорит, — не вру, за вранье Бог накажет. Собираться, что ли?

— Да, — говорю, — собирайтесь. А много ли имеете вещичек?

— Вещичек, — говорит, — не так много: дыра в кармане да вошь на аркане. Сундучок да перина.

Взяли мы сундучок и перину на телегу. Прихватил я еще горшок и два полена, и поехали.

Я гоню лошадь, тороплюсь, а бабочка моя на сундучке трясется и планы решает — как жить будет да чего ей стряпать, да не мешало бы, дескать, в баньку сходить — три года не хожено.

Наконец приехали.

— Вылезайте, — говорю.

Вылезает бабочка с телеги. Да смотрю, как-то неинтересно вылезает — боком и вроде бы хромает на обе ноги. Фу-ты, думаю, глупость какая!

— Что вы, — говорю, — бабочка, вроде бы хромаете?

— Да нет, — говорит, — это я так, кокетничаю.

— Да как же, помилуйте, так? Дело это серьезное, ежели хромаете. Мне, — говорю, — в хозяйстве хромать не требуется.

— Да нет, — говорит, — это маленько на левую ногу. Полвершка, — говорит, — всего и нехватка.

— Пол, — говорю, — вершка или вершок — это, — говорю, — не речь. Время, — говорю, — горячее — мерить не

приходится. Но, — говорю, — это невысказано. Это и воду понесете — расплескаете. Извините, — говорю, — обмиснулся.

— Нет, — говорит, — дело замечано.

— Нет, — говорю, — не могу. Все, — говорю, — подходит: и мордорот ваш мне нравится, и лета — одна тыща восемьсот восемьдесят шесть, но не могу. Извините — промиснул ногу.

Стала тут бабочка кричать и чертыхаться, драться, конечно, полезла, не без того. А я тем временем выношу полегоньку имущество на двор.

Съездила она мне раз или два по морде — не считал, а после и говорит:

— Ну, — говорит, — стручок, твое счастье, что заметил. Вези, — говорит, — назад.

Сели мы в телегу и поехали.

Только не доехали, может, семи верст, как взяла меня ужасная злоба.

«Время, — думаю, — горячее, разговаривать много не приходится, а тут извольте развозить невест по домам».

Скинул я с телеги ейное имущество и гляжу, что будет. А бабочка не усидела и за имуществом спрыгнула. А я повернул кобылку — и к лесу.

А на этом дело кончилось.

Как она дошла домой с сундуком и с периной, мне неизвестно. А только дошла. И через год замуж вышла. И теперь на сносях.

1924

СОБАЧИЙ НЮХ

У купца Еремея Бабкина сперли енотовую шубу.

Взвыл купец Еремей Бабкин. Жалко ему, видите ли, шубы.

— Шуба-то, — говорит, — больно хороша, граждане. Жалко. Денег не пожалею, а уж найду преступника. Плюну ему в морду.

И вот вызвал Еремей Бабкин уголовную собаку-ищейку. Является этакий человек в кепочке, в обмотках, а при нем собака. Этакая даже собачища — коричневая, морда острая и несимпатичная.

Ткнул этот человек собачку свою в следы возле двери, сказал «пс» и отошел. Понюхала собака воздух, повела по толпе глазом (народ, конечно, собрался) и вдруг к бабке Фекле, с пятого номера, подходит и нюхает ей подол. Бабка за толпу. Собака за юбку. Бабка в сторону — и собака за ней. Ухватила бабку за юбку и не пушает.

Рухнула бабка на колени перед агентом.

— Да, — говорит, — попалась. Не отпираюсь. И, — говорит, — пять ведер закваски — это так. И аппарат — это действительно верно. Все, — говорит, — находится в ванной комнате. Ведите меня в милицию.

Ну, народ, конечно, ахнул.

— А шуба? — спрашивают.

— Про шубу, — говорит, — ничего не знаю и ведать не ведаю, а остальное — это так. Ведите меня, казните.

Ну, увели бабку.

Снова взял агент собачищу свою, снова ткнул ее носом в следы, сказал «пс» и отошел.

Повела собачища глазом, понюхала пустой воздух и вдруг к гражданину управдому подходит.

Побелел управдом, упал навзничь.

— Вяжите, — говорит, — меня, люди добрые, сознательные граждане. Я, — говорит, — за воду деньги собрал, а те деньги на прихоти свои истратил.

Ну, конечно, жильцы навалились на управдома, стали вязать. А собачища тем временем подходит к гражданину из седьмого номера. И тербит его за штаны.

Побледнел гражданин, свалился перед народом.

— Виноват, — говорит, — виноват. Я, — говорит, — это верно, в трудовой книжке год подчистил. Мне бы, говорит, жеребцу, в армии служить и защищать отечество, а я живу в седьмом номере и пользуюсь электрической энергией и другими коммунальными услугами. Хватайте меня!

Растерялся народ.

«Что, — думает, — за такая поразительная собака?»

А купец Еремей Бабкин заморгал очами, глянул вокруг, вынул деньги и подает их агенту.

— Уводи, — говорит, — свою собачищу к свиньям собачьим. Пушай, — говорит, — пропадает енотовая шуба. Пес с ней...

А собачища уж тут. Стоит перед купцом и хвостом вертит.

Растерялся купец Еремей Бабкин, отошел в сторону, а собака за ним. Подходит к нему и его калоши нюхает.

Заблекотал купец, побледнел.

— Ну, — говорит, — бог правду видит, если так. Я, — говорит, — и есть сукин кот и мазурик. И шуба-то, — говорит, — братцы, не моя. Шубу-то, — говорит, — я у брата своего зажил. Плачу и рыдаю!

Бросился тут народ врассыпную. А собачище и воздух некогда нюхать, схватила она двоих или троих — кто подвернулся — и держит.

Покаялись эти. Один казенные денежки в карты пропер, другой супругу свою утюгом тюкнул, третий такое сказал, что и передать неловко.

Разбежался народ. Опустел двор. Остались только собака да агент.

И вот подходит вдруг собака к агенту и хвостом виляет. Побледнел агент, упал перед собакой.

— Кусайте, — говорит, — меня, гражданка. Я, — говорит, — на ваш собачий харч три червонца получаю, а два себе беру...

Чего было дальше — неизвестно. Я от греха поскорее смылся.

1923

ЛЮБОВЬ

Вечеринка кончилась поздно.

Вася Чесноков, утомленный и вспотевший, с распорядительским бантом на гимнастерке, стоял перед Машенькой и говорил умоляющим тоном:

— Обождите, радость моя... Обождите первого трамвая. Куда же вы, ей-богу, в самом деле... Тут и посидеть-то можно, и обождать, и все такое, а вы идете... Обождите первого трамвая, ей-богу. А то и вы, например, вспотевши, и я вспотевши... Так ведь и захворать можно по морозу...

— Нет, — сказала Машенька, надевая калоши. — И какой вы кавалер, который даму не может по морозу проводить?

— Так я вспотевши же, — говорил Вася, чуть не плача.

— Ну, одевайтесь!

Вася Чесноков покорно надел шубу и вышел с Машенькой на улицу, крепко взяв ее под руку.

Было холодно. Светила луна. И под ногами скрипел снег.

— Ах, какая вы беспокойная дамочка, — сказал Вася Чесноков, с восхищением рассматривая Машенькин профиль. — Не будь вы, а другая — ни за что бы не пошел провожать. Вот, ей-богу, в самом деле. Только из-за любви и пошел.

Машенька засмеялась.

— Вот вы смеетесь и зубки скалите, — сказал Вася, — а я действительно, Марья Васильевна, горячо вас обожаю и люблю. Вот скажите: лягте, Вася Чесноков, на трамвайный путь, на рельсы и лежите до первого трамвая — и лягу. Ей-богу...

— Да бросьте вы, — сказала Машенька, — посмотрите лучше, какая чудная красота вокруг, когда луна светит. Какой красивый город по ночам! Какая чудная красота!

— Да, замечательная красота, — сказал Вася, глядя с некоторым изумлением на облупленную штукатурку дома. — Действительно, очень красота... Вот и красота тоже, Марья Васильевна, действует, ежели действительно питаешь чувства... Вот многие ученые и партийные люди отрицают чувства любви, а я, Марья Васильевна, не отрицаю. Я могу питать к вам чувства до самой моей смерти и до самопожертвования. Ей-богу... Вот скажите: ударься, Вася Чесноков, затылком об эту стенку — ударюсь.

— Ну, поехали, — сказала Машенька не без удовольствия.

— Ей-богу, ударюсь. Желаете?

Парочка вышла на Крюков канал.

— Ей-богу, — снова сказал Вася, — хотите вот — брошусь в канал? А, Марья Васильевна? Вы мне не верите, а я могу доказать...

Вася Чесноков взялся за перила и сделал вид, что лезет.

— Ах! — закричала Машенька. — Вася! Что вы!

Какая-то мрачная фигура вынырнула вдруг из-за угла и остановилась у фонаря.

— Что разорались? — тихо сказала фигура, подробно осматривая парочку.

Машенька в ужасе вскрикнула и прижалась к решетке.

Человек подошел ближе и потянул Васю Чеснокова за рукав.

— Ну, ты, мымра, — сказал человек глухим голосом. — Скидавай пальто. Да живо. А пикнешь — стукну по балде, и нету тебя. Понял, сволочь? Скидавай!

— Па-па-па, — сказал Вася, желая этим сказать: позвольте, как же так?

— Ну! — Человек потянул за борт шубы.

Вася дрожащими руками растегнул шубу и снял.

— И сапоги тоже сьмай! — сказал человек. — Мне и сапоги требуются.

— Па-па-па, — сказал Вася, — позвольте... мороз...

— Ну!

— Даму не трогаете, а меня — сапоги снимай, — проговорил Вася обидчивым тоном, — у ей и шуба и калоши, а я сапоги снимай.

Человек спокойно посмотрел на Машеньку и сказал:

— С ее снимешь, понесешь узлом — и засыпался. Знаю, что делаю. Снял?

Машенька в ужасе глядела на человека и не двигалась. Вася Чесноков присел на снег и стал расшнуровывать ботинки.

— У ей и шуба, — снова сказал Вася, — и калоши, а я отдувайся за всех...

Человек напялил на себя Васину шубу, сунул ботинки в карманы и сказал:

— Сиди и не двигайся и зубами не колоти. А ежели крикнешь или двинешься — пропал. Понял, сволочь? И ты, дамочка...

Человек поспешно запахнул шубу и вдруг исчез.

Вася обмяк, скис и кулем сидел на снегу, с недоверием посматривая на свои ноги в белых носках.

— Дождались, — сказал он, со злобой взглянув на Машеньку. — Я же ее провожай, я и имущества лишайся. Да?

Когда шаги грабителя стали совершенно неслышны, Вася Чесноков заерзал вдруг ногами по снегу и закричал тонким, пронзительным голосом:

— Караул! Грабят!

Потом сорвался с места и побежал по снегу, в ужасе подпрыгивая и дергая ногами. Машенька осталась у решетки.

1924

ДИКТОФОН

Ах, до чего все-таки американцы народ острый! Сколько удивительных открытий, сколько великих изобретений они сделали! Пар, безопасные бритвы «жиллетт», вращение Земли вокруг своей оси — все это открыто и придумано американцами и отчасти англичанами.

А теперь извольте: снова осчастливлено человечество — подарили американцы миру особую машину — диктофон.

Конечно, может, эта машина несколько и раньше придумана, но нам-то прислали ее только что.

Это был торжественный и замечательный день, когда прислали эту машинку.

Масса народу собралась посмотреть на эту диковинку.

Многоуважаемый всеми Константин Иванович Деревяшкин снял с машины чехол и благоговейно обтер ее тряпочкой. И в ту минуту мы воочию убедились, какой это великий гений изобрел ее. Действительно: масса винтиков, валиков и хитроумных загогулинок бросилась нам в лицо. Было даже удивительно подумать, как эта машинка, столь

нежная и хрупкая на вид, может работать и соответствовать своему назначению.

Ах, Америка, Америка — какая это великая страна!

Когда машина была осмотрена, многоуважаемый всеми товарищ Деревяшкин, похвально отозвавшись об американцах, сказал несколько вступительных слов о пользе гениальных изобретений. Потом было приступлено к практическим опытам.

— Кто из вас, — сказал Константин Иванович, — желает сказать несколько слов в этот гениальный аппарат?

Тут выступил уважаемый товарищ Тыкин, Василий. Худой такой, длинный, по шестому разряду получающий жалованье плюс за сверхурочные.

— Дозвольте, — говорит, — мне испробовать.

Разрешили ему.

Подошел он к машинке не без некоторого волнения, долго думал, чего бы ему такое сказать, но, ничего не придумав и махнув рукой, отошел от машины, искренне горя о своей малограмотности.

Затем подошел другой. Этот, не долго думая, крикнул в открытый рупор:

— Эй ты, чертова дура!

Тотчас открыли крышку, вынули валик, вставили его куда следует, и что же? — доподлинно и точно валик передал всем присутствующим вышеуказанные слова.

Тогда восхищенные зрители наперерыв протискивались к трубе, пробуя говорить то одну, то другую фразу или лозунг. Машинка послушно записывала все в точности.

Тут снова выступил Василий Тыкин, получающий жалованье по шестому разряду плюс сверхурочные, и предложил кому-нибудь из общества неприлично заругаться в трубу.

Многоуважаемый Константин Иванович Деревяшкин сначала категорически воспретил ругаться в рупор и даже топнул ногой, но потом, после некоторого колебания, увлеченный этой идеей, велел позвать из соседнего дома бывшего черноморца — отчаянного ругателя и буйна.

Черноморец не заставил себя долго ждать — явился.

— Куда, — спрашивает, — ругаться? В какое отверстие?

Ну, указали ему, конечно. А он как загнет — аж сам многоуважаемый Деревяшкин руками развел — дескать, здорово пушено, это вам не Америка.

Засим, еле оторвав черноморца от трубы, поставили валик. И действительно, аппарат опять в точности и неуклонно произвел запись.

Тогда все снова стали подходить, пробуя ругаться в отверстие на все лады и наречия. Потом стали изображать различные звуки: хлопали в ладоши, делали ногами чечетку, щелкали языком — машинка действовала безотлагательно.

Тут действительно все увидели, насколько велико и гениально это изобретение.

Единственно только жаль, что эта машинка оказалась несколько хрупкая и не приспособленная к резким звукам. Так, например, Константин Иванович выстрелил из нагана, и, конечно, не в трубу, а, так сказать, сбоку, чтобы для истории запечатлеть на валик звук выстрела — и что же? — оказалось, что машинка испортилась, сдала.

С этой стороны лавры американских изобретателей и спекулянтов несколько меркнут и понижаются.

Впрочем, заслуга ихняя все же велика и значительна перед лицом человечества.

1925

КИТАЙСКАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Удивительно, товарищи, как меняется жизнь и как все к простоте идет.

Скажем, двести лет назад тут, на Невском, ходили люди в розовых и зеленых камзолах и в париках. Дамы этакими куклами прогуливались в широченных юбищах, а в юбищах железные обручи...

Теперь, конечно, об этом и подумать смешно, ну а тогда эта картина была повседневная.

А впрочем, братцы, и над нами посмеются лет через сто.

Вот, скажут, как нелегко было существовать им: мужчины на горлах воротнички этикие тугие, стоячие носили, дамы — каблучки в три вершка и корсеты.

И верно: смешно. Да только и это уж уходит и ушло.

Все меняется, все идет к простоте необыкновенной.

И не только это во внешней жизни, но и в человеческих отношениях.

Раньше для того, чтобы жениться человеку, приходилось ему делать черт его что. И смотрины-то он делал, и свях зазывал, и с цветками по пять раз в сутки хаживал, и папашу невесты уламывал, и мамашу улещивал, и теткены ручищи целовал, и попу богослужение заказывал... тьфу!

Ну а теперь это куда как проще. Небось сами знаете... Полфунта монпансье, тары да бары, комиссариат — и все довольны.

Да, братцы мои, все меняется. И лишь одно не меняется, лишь одно крепко засело в нашей жизни — это китайская церемония.

Думаете какая? А вот какая. Чего мы делаем при встрече? При встрече-то, братцы мои, мы за ручку здороваемся, ручки друг другу жмем и треплем.

А смешно! Вот, братишки, берите самый большой камень с мостовой и бейте меня этим камнем по голове и по чем попало — не отступлюсь от своих слов: смешно. Ну вот так же смешно, как если бы при встрече мы терлись носами по китайскому обычаю.

И мало того, что смешно, а и не нужно и глупо. И драгоценное время отнимает, ежели встречных людишек много. И в смысле заразы нехорошо, небезопасно.

Эх-хе-хе, братишки! Глупое это занятие — при встрече руку жать!

Конечно, бывали такие люди, делали они почин — не здоровались за руку, но только ничего из того не выходило. Не время было, что ли...

Как помню я, братцы мои, лет этак десять назад приехал один немчик в Россию. По коммерческим обстоятель-

ствам. Ну, немчик как немчик — ноги жидкие, ушишки, вообще, нос.

И была у этого немца манеришка — не здороваться за руку. Так, рыльцем кивнет, и хватит.

И задумал он такую манеришку привить России. Прививал он, прививал, месяц и два, а на третий заскочило.

Привели раз немца в «Коммерческий» — знакомиться с Семен Саввичем, с кожевником, с сенновцем.

Ну — здрасте, здрасте... Немец рыльцем кивнул, а Семен Саввич хлесь его в личность.

— Ты что ж, — говорит, — бульонное рыло, не здоровкаешься? Гнушаешься?

Ну, ударил. Немчик — человек сентиментальный — заплакал. Лепечет по-ихнему: гобль, гобль...

А купчик официанта кличет.

— Дай-ка, — говорит, — братец, ему еще раз по личности, я, — говорит, — тебе после отдам.

Ну, официант развернулся, конечно, — хлесь обратно.

Немец чин-чином с катушек и заблажил: гобль-гобль.

Чего дальше было — неизвестно. Известно только, что прожил немец после того в России месяц и уехал в Испанию. А перед отъездом знакомому и незнакомому первый протягивал руку и личность держал боком.

Вот такая это была история.

Но, конечно, это было давно. И другие были тогда обстоятельства. И жизнь другая. И до того, братцы мои, другая, что, на мой ничтожный взгляд, только сейчас и подошло время отменить китайские церемонии.

А ну, братцы, начнем. Небось теперь по личности никто не хлеснет... А я начну первый. Приду, скажем, завтра к дяде Яше. Здорово, скажу, брат. А руки не подам.

Чего дядя Яша со мной сделает — сообщу, братцы мои, после.

1924

Иной раз хочется подойти к незнакомому человеку и спросить: ну, как, братишка, живешь? Доволен ли ты своей жизнью? Было ли в твоей жизни счастье? Ну-ка, окинь взглядом все прожитое.

С тех пор как открылся у меня катар желудка, я у многих об этом спрашиваю.

Иные шуточкой на это отшучиваются — дескать, живу — хлеб жую. Иные врать начинают — дескать, живу роскошно, лучше не надо, получаю по шестому разряду, семьей доволен.

И только один человек ответил мне на этот вопрос серьезно и обстоятельно. А ответил мне дорогой мой приятель, Иван Фомич Тестов. По профессии он стекольщик. Человек сам немудреный. И с бородой.

— Счастье-то? — спросил он меня. — А как же, обязательно счастье было.

— Ну, и что же, — спросил я, — большое счастье было?

— Да уж большое оно или оно маленькое — неизвестно, а только оно на всю жизнь запомнилось.

Иван Фомич выкурил две папиросы, собрался с мыслями, подмигнул мне для чего-то и стал рассказывать.

— А было это, дорогой товарищ, лет, может, двадцать или двадцать пять назад. И был я тогда красивый и молодой, усики носил стоячие и нравился себе. И все, знаете ли, ждал, когда мне счастье привалит. А года между тем шли своим чередом, и ничего такого не происходило. Не заметил я, как и женился, и как на свадьбе с жениными родственниками подрался, и как жена после того дите родила. И как жена в свое время скончалась. И как дите тоже скончалось. Все шло тихо и гладко. И особенного счастья в этом не было.

Ну а раз, 27 ноября, вышел я на работу, а после работы под вечер зашел в трактир и спросил себе чаю. Сижусь и пью с блюдечка. И думаю: вот, дескать, года идут своим чередом, а счастья-то и незаметно.

И только я так подумал — слышу разные возгласы. Обращиваюсь — хозяин машет рукой, и половой мальчишка

машет рукой, а перед ними царский солдат стоит и пытается к столику присесть. А его хозяин из-за столика выбивает и не позволяет сесть.

— Нету, — кричит, — вашему брату солдату не дозволено в трактирах за столики присаживать. Мне за его штраф плати. Ступай себе, милый.

А солдат пьяный и все присаживается. А хозяин его выбивает. А солдат родителей вспоминает.

— Я, — кричит, — такой же, как и вы. Желая за столик присесть.

Ну, посетители помогли — выперли солдата. А солдат схватил булыжник с мостовой и как брызнет в зеркальное стекло. И теку.

А стекло зеркальное — четыре на три, и цены ему нету.

У хозяина руки и ноги подкосились. Присел он на корячки, головой мотает и пугается на окно взглянуть.

— Что ж это, — кричит, — граждане! Разорил меня солдат. Сегодня суббота, завтра воскресенье — два дня без стекла. Стекольщика враз не найти, и без стекла посетители обижаются.

А посетители действительно обижаются:

— Дует, — говорят, — из пробитого отверстия. Мы пришли в тепле посидеть, а тут эвон дыра какая.

Вдруг я кладу блюдечко на стол, закрываю шапкою чайник, чтоб он не простыл, и равнодушно подхожу к хозяину.

— Я, — говорю, — любезный коммерсант, стекольщик.

Ну, обрадовался он, пересчитал в кассе деньги и спрашивает:

— А сколько эта музыка стоит? Нельзя ли из кусочков сладить?

— Нету, — говорю, — любезный коммерсант, из кусочков ничего не выйдет. Требуется полное стекло четыре на три. А цена тому зеркальному стеклу будет семьдесят пять целковых и бой мне. Цена, любезный коммерсант, вне конкуренции и без запроса.

— Что ты, — говорит хозяин, — объелся? Садись, — говорит, — обратно за столик и пей чай. За такую, — говорит, — сумму я лучше периной заткну отверстие.

И велит он хозяйке моментально бежать на квартиру и принести перину.

И вот приносят перину и затыкают. Но перина вываливается то наружу, то вовнутрь и вызывает смех. А некоторые посетители даже обижаются — дескать, темно и некрасиво чай пить.

А один, спасибо, встает и говорит:

— Я, — говорит, — на перину и дома могу глядеть, на что мне ваша перина?

Ну, хозяин снова подходит ко мне и умоляет моментально бежать за стеклом и дает деньги.

Чаю я не стал допивать, зажал деньги в руку и побежал.

Прибегаю в стекольный магазин — магазин закрывается. Умоляю и прошу — пустили.

И все, как я и думал, и даже лучше: стекло четыре на три тридцать пять рублей, за переноску — пять, итого сорок.

И вот стекло вставлено.

Допиваю я чай с сахаром, спрашиваю рыбную селянку, после — рататуй. Съедаю все и, шатаясь, выхожу из чайной. А в руке чистых тридцать рублей. Хочешь — на них пей, хочешь — на что хочешь.

Эх, и пил же я тогда. Два месяца пил. И покупки, кроме того, сделал: серебряное кольцо и теплые стельки. Еще хотел купить брюки с блюзой, но не хватило денег.

— Вот, дорогой товарищ, как видите, и в моей жизни было счастьешко. Но только раз. А вся остальная жизнь текла ровно, и большого счастья не было.

Иван Фомич замолчал и снова, неизвестно для чего, подмигнул мне.

Я с завистью посмотрел на своего дорогого приятеля. В моей жизни такого счастья не было.

Впрочем, может, я не заметил.

1924

— Папаша мой, надо сказать, был торговцем, — сказал Иван Иванович Гусев. — При царском режиме папаша торговали в Дерябинском рынке... Ну а теперича через эту папашу мне форменная труба получается. Потому не приткнуться. Не берут в государственную службу. Что касается свободных профессий или там какого отхожего промысла, то этого тоже не горазд много.

Мне вот случилась на днях работишка, вроде отхожий промысел, — не сумел воспользоваться.

А промысел этот предложила девица одна. Кет — заглавие. Соседка. Рядом жили.

Так — ее комната, а так — моя. А перегородка тоненькая. И насквозь все слышно: и как девица домой к утру является, и как волосики свои на щипцах завивает, и как пиво пьет, и как с кавалерами на денежные темы беседует. Все насквозь слышно, только что выражения лица не видать.

А раз утром девица встала и стучит кулаком в стенку.

— Эй, — говорит, — мон шер, нет ли у вас спичек?

— Как же-с, — отвечаю через стенку, — есть. Я, — говорю, — хотя и безработный и питаюсь не ахти как, но, — говорю, — спички есть. Взойдите.

Является. В пенюаре, в безбелье, и туфельки кокетливо надеты на босу ногу.

— Здравствуйте, — говорит. — Мне завиться нужно, а спичек-то и нет. Я, — говорит, — сейчас верну вам ваши спички.

— Да уж, — говорю, — пожалуйста. Я, — говорю, — человек безработный, без образования, мне, — говорю, — не по карману спичками швыряться.

Слово за слово — разговорились.

— На какие шиши, — спрашиваю, — живете и почем за квадратную сажень вносите?

А она на прямой вопрос не отвечает и говорит двусмысленно.

— Раз, — говорит, — вы человек безработный и голодуете, то, — говорит, — могу вам от чистого сердца работишку предоставить.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Аристократка	7
Жертва революции	10
Жених	13
Собачий нюх	16
Любовь	18
Диктофон	21
Китайская церемония	23
Счастье	26
Альфонс	29
Семейное счастье	32
Обезьяний язык	34
Теперь-то ясно	36
Крестьянский самородок	38
Мещанство	41
Нервы	43
Стакан	44
Утонувший домик	47
Сильное средство	48
Четыре дня	50
Дамское горе	52
Режим экономии	54
Бешенство	55
Монтер	57
Прелести культуры	59
Лимонад	62
Суета сует	64
Хиромантия	65

Много ли человеку нужно	67
Драка	69
Операция	70
Веселенькая история	72
Больные	74
Иностранцы	76
Землетрясение	78
Врачевание и психика	81
Западня	87
Грустные глаза	90
Водяная феерия	94
История болезни	97

Голубая книга

Предисловие	105
Деньги	108
<i>Рассказы о деньгах</i>	133
<i>Послесловие</i>	168
Любовь	170
<i>Рассказы о любви</i>	192
<i>Послесловие</i>	227
Коварство	229
<i>Рассказы о коварстве</i>	257
<i>Послесловие</i>	288
Неудачи	290
<i>Рассказы о неудачах</i>	321
<i>Послесловие</i>	359
Удивительные события	362
<i>Послесловие</i>	392
<i>Приложение к пятому отделу</i>	393
Послесловие ко всей книге	413
<i>Прощание с философом</i>	414
<i>Прощание с читателем</i>	417

Повести

О чем пел соловей	421
Мишель Синягин	442
Возвращенная молодость	489